

20 14

Микролитъ

8 нумеръ

В три строчки

г Гулькевичи

МИКРОЛПТЪ 8

**ТЕМА НОМЕРА:
В ТРИ СТРОЧКИ**

Литературный журнал «Микролитъ». №8. 2014

Главный редактор	Иван Кротов
Заместитель редактора	Александр Мартусенко
Художественный редактор	Ирина Гаркуша
Заместитель редактора по связям с общественностью	Павел Уваров

тел. в СПб: 8-965-761-73-44

Редколлегия:	Анна Мамаенко Андрей Насонов
--------------	---------------------------------

Работа с интернет-ресурсами:	Павел Уваров, Александр Гусев
------------------------------	-------------------------------

Творческий совет:	Игорь Васильев Иван Карасев Нина Хрущ
-------------------	---

Верстка:	Иван Кротов
----------	-------------

На первой странице работа И.Карасева «Искажение паруса»

Обложка — С.Матушкин

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96, ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

Сад нехоженных тропок

Пока делался этот номер, мир сильно изменился. Но мы продолжаем возделывать свой маленький сад, в надежде, что его скромные сорняки немного украсят окружающее пространство/время и даже – а вдруг? – сделают нравы чуточку мягче.

Надо заметить, за время общественных катаклизмов садик наш немного одичал. Но, может быть, так даже лучше? Вопреки обыкновению, мы решили не размечать дорожки и не развешивать указатели: избалованный современными информационными потоками читатель частенько ждёт, чтобы ему указали – вот вам Басё! Или и того проще: вот так надо/не надо писать стихи. Но учителей и так в избытке, а босой Басё – существо нежное и сторонится колючек общественного внимания. Ему нельзя устраивать облаву: каждый должен найти его для себя сам. Гуляешь себе по заросшему саду, ни о чём не думая, и вдруг понимаешь: вот он!

И пусть каждый сам решает для себя – повезло ли ему с выбором дикого сада.

ВОЗДУХЪ

НИКОЛАЙ ГРАНКИН

зимний ветер
поворачивается боком
ворона

праздничный букет
обрезает концы
юбилярша

школьный двор
в косую линейку
осенний дождь

ветер с моря
у сушёной рыбы в глазу
верёвка

после снегопада
пробует голос
мальчишка

раннее утро
в чашке для чая
глубокая тень

день как день
рассматриваю цветы
пастушьей сумки

заждидило...
у продавщицы мороженого
отсутствующий взгляд

эти мини весной...
поправляю очки

девушка
с пакетом черешни
облизываюсь...

длинный день
вытягивается в струнку
лежащая кошка

юбилей города
на рабочей окраине
столетняя лужа

ни души...
лупит по футбольному мячу
летний ливень

летняя практика
учительница показывает
польнь-траву

Софья Рэм "Беатриче"

лист мать-и-мачехи
вспоминаю где какая
сторона

маленькая кухня
хлеб соль в полоске
солнечного света

простой карандаш
подчёркиваю необходимое

РОДИОН ХУЗИН

сыграй мне туманно
пальцы на морозе
засты

солнышко
в щёлке дверей
маленький носик

вечерний блюз
в пустом доме
хлопают двери

лёгкое касание
отчего ж так дрожит
осиновый лист

старая луна
на верхушке трубы
никого

сумерничание
в кружке с малиной
два клопа

мокрый сквер
на скамейках
только листья

облачно
большая медведица
ищет малую

Александр Добровольский

метеор
улыбаюсь
незагаданному

ты меня уважаешь?
луна в луже
улыбкой

зимние дни
по кругу
чаинки

трель соловья
через два антракта
светает

разговор по душам
залетает бражник
на огонёк

пустая квартира
срывается с крана
капля

дальний путь
снимает шляпу
перекати-жёлудь

СЕРГЕЙ КУРБАТОВ

звезда упала –
ловим пустоту
на полуслове

вот-вот угонут
отпечатки слов –
бумажный кораблик

совсем немного
о прошедшем дне –
букет сирени

на своей волне –
складываю кораблик
из свежей газеты

по-детски бьется сердце –
мотылек
в моей ладони

дачный роман
пахнет яблоками
пустая корзина

у неба
на коротком поводке
прошедший ливень

проснулся
без ласточек
старый дом

знакомые
до тени на песке –
старик и море

уже под утро
нахожу слова –
опали листья

Александр Добровольский «На колкем снегу»

крест на лете
переползает улитка
опавший лист

падают листья
на конечной остановке
один

в зеркало глянул:
волосы стали белей
после метели

глубокий сон –
даже к утру не догнал
ушедшего друга

ладони линии
в протянутой руке
всё время

ЗЕМЛЯ

КАМЕЛИЯ САНРИН

Сказка про двойника

У одной розетки был муж – двойник. А она об этом не знала. Она думала, он светильник. Она его кормила, а он нажрётся энергии и пошёл транжирить направо-налево. Поэтому у них электричества вечно не хватало. Не каждая розетка выдержит двойную нагрузку.

А двойник думал, у него что-то со здоровьем и попал в ремонт. И вот пока он был в ремонте, розетке встретился настоящий светильник, мечта всей жизни. Она сама светилась в его лучах отражённым светом. Все говорили: «Розетку не узнать, смотрите, как расцвела наша розетка!» А потом вернулся двойник с обидой, что про него забыли.

А про него не забыли. Розетка продолжала любить своего двойника, но сказала ему твёрдо: «Семья – это больше, чем два. Светильник тоже должен жить с нами». И стали они жить втроём. А сейчас у них ещё появился маленький телефонный зарядник. Розетка всех кормит и радуется.

Наследил

Жили-были две Ошибки с трудной судьбой и характером. И не было у них детей. Ибо не знали где взять. Уж чего они только не делали, всё без толку. Если бы не теория вероятности – так бы и померли бездетными. А согласно теории у них родился сын и наследник, продолжатель рода Ошибок. Имя у него редкое – не то Олег, не то Осип... Опыт? Да, точно – Опыт Ошибка.

Легенда о старом Фиге

Фиг всегда всё узнаёт первым. Когда в деревне возникнет какая непонятница – люди к нему.

Потом говорят между собой:

– Коли бы это было на самом деле, Фиг бы знал. А раз Фиг не знает, то и значит, никто не знает.

Тако-то уважают старого Фига. И каждый день с утра до вечера колготится он с деревенскими, ровно с малыыми ребятами, да и ночью спать спокойно не дают. Только задремлет старик на печи, валенок под голову пудобней примостит – стучат в окно.

– Кого там опять нелёгкая? Что надо?

Спрашивают угодливо (ночь-полночь, понимают, стыдятся вроде за назойливость, а любопытство печёт, на месте сидеть не даёт):

– Фиг, ты знаешь?

А Фиг всё знает. Кабы не знал – промолчал бы. А его знания распирают. И рад бы не отвечать, да просветительский зуд уж такой нестерпимый! Так и свербит, так и тянет за язык.

Нехотя вытянет валенки из-под головы, напялит на ноги, бороду пятернёй расчесет – и айда на двор мужиков просвещать. А куда деваться? Если не Фиг – то кто?

А народ знания получит – и дальше тащит охапками. Кто к себе домой, кто к зазнобе – поудивлять, умищем покрасоваться. А кто выйдет в чисто поле – и сеет. Спросят такого:

– Что сеешь, не пахамши?

А он важно эдак, с апломбом:

– Али не по глазам? Разумное сею. А с ним ещё доброе. Ну и вечное тоже ж, а куда без него.

– А чтой-то ты разумное-доброе-вечное сеешь? Что за трава такая? Что за растение?

– А Фиг его знает.

Фиг всё знает. И про сеятелей знает и про то, как разумное от доброго с вечным отличить. И зачем они сеют и что нарастёт – всё Фиг знает. Вы ему в окошко стукните:

– Фиг, знаешь? Фиг, разберёшь? Фиг, поймёшь?

Фиг вам ответит.

Доброты несслыханной старичина. Что у него ни спроси, хоть дырку от бублика – расстарается, сам состряпает. До утра не уснёт – будет кумекать да фигачить. А утречком, не спав, не кутив, с носу не стреляно, в роту не чищено – а уже притаранит:

– Фиг – вам!

Да и маслицем сдобрит.

Каждый его знает, а проежнему-мимохожему найти непросто. Когда чужеземцы ищут старика, то могут легко заблудиться – в деревне родственников-однофамильцев полно. Начнут чужака расспрашивать-уточнять: «Вам какого Фига?» И только один ответ будет верным: «Основоположника пофигизма.»

Наказы его в народе почитают. Сами так живут и деток приучают: за что ни возьмись – чтоб всё было по Фигу.

ВОЗДУХЪ

МИХАИЛ ЕЖОВ

улицы сырое нутро
лишь по птицам
понимаю что утро

сквозь черные ветки
смотрю на здание школы
вот и вся учёба

с мороза в тепло
рву пуповину космоса
чаю!

воздух...
аж потрескивает...
веточки – светочи

букет одуванчиков
только и радости
что дунули вместе

привет из СССР
высунутые языки
компостеров

мясо заката
срезано до костей
ДОМИНОШНЫХ

ветер во тьме
по ту сторону окон
мелкие движения

все ни как у людей
иду...
по собачьим следам

ДУДУН

вишни в Ёсино...
гугл ищет заправку
между Вишнёвой и Есенина

летний лагерь
обтягивающие футболки
одноклассниц

Эй, человек!
Просыпайся!!!
Одуванчики на обочине...

долька лимона...
и в эту ночь
ничего не светит

утренний пляж...
вцепилась в газету
старая коряга

жаворонок
ещё, ещё выше
бумажный змей

клуб знакомств
не вылазят из головы
её зубные протезы

дом бедняка...
полная чаша
лунного света

Забывтый погост.
Вот и встретились –
Я и ветер...

БАХТУЁР АМИНУ

Нет денег
У свиньи-копилки
Беру в долг

Бастуют
тараканы в голове:
“Дайте нам хлеба и зрелищ!”

широко раскрыв рот
мечтает о поездке заграничной
чемодан у двери

Снег шел и шел
выросли деревья за ночь
на несколько сантиметров

Зимний день
Больше чем я
Дрожит моя тень

Навестил родителей
Не узнала меня
Наша собака...

Темнеет...
Вижу тебя
Во всех прохожих...

Собираю бутылки...
Ну где же ты, где
проклятый Джинн?

ИВАН КРОТОВ

ни снежинки
дрожат фонари в лужах

раскрытая книга
на краешке стола
пёстрая бабочка

подожду
доклёвывает ягоду
воробей

первый ряд
на коленях у пианистки
сидит муха

трещины в асфальте
тянутся во все стороны
зелёные ростки

старые аргументы
так быстро желтеют
газеты

звёзды над полем...
далеко отсюда, друзья,
все ваши споры

пост дпс
кружит возле дороги
коршун

ночной прилив
под нашими ногами
звёзды

СЕРГЕЙ ДАНЫШИН

Шикарный галстук.
Хоть сейчас вешайся.

с детства мечтал быть лаконичным,
а всё нюансы, нюансы.
тьфу!

Губа треснула
от зимы и амбиций.
Не улыбаюсь.

китайский фонарик
нудно догорал,
застряв в проводах.

дети плакали.
взрослые спорили:
замкнёт – не замкнёт.

поэтическая среда мало
отличается от щелочной

Кислое вино,
застенчивые взгляды.
Сломали диван.

В мордатом менте
узнал одноклассника.
Лёд под ногами.

Дождь над Питером
как труд порноактёра.
Скучный и влажный.

Падают листья
на мох могильной плиты.
Нет повода не выпить.

АНДРЕЙ НАСОНОВ

голышом
среди голышей
галечный пляж

«эффект бабочки» –
прошлогоднее лето
между рамами

деревенский туалет
подглядываю между досок
за миром

бездомный пёс
тычется в руку
надень ошейник!

под одеялом
накапливаешь тепло
я прохлаждаюсь

вечернее море
оранжевый буй
на горизонте

не выступил
«свободный микрофон»
оказался занят

ночная молния
осветила своды пещеры
кремневая искра

всемирная сеть
опускается паучок
в угол экрана

ИВАН КАРАСЁВ

больно овидию
штопор в закладках
последний читатель

почти не дышит
веселый ребенок
сжав кролика цепко

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

абрикос цветёт
ранняя пташка

примерочная
доспехи женщин

сошедший поезд
на сломанных ветках
распустились цветы

мартовский дождь
поднимается вверх
дым сигареты

кукушкины слезы
растут и растут
сквозь череп мышинный

пытаюсь рыбачить
клюет
только хайку

весна
лягушачьи объятия

женский футбол
шнурки от ботс
в косах

ЛЮБОВЬ ПАХОМОВА

Февральский снег
Так незаметно тает
Длинная жизнь

Розовое утро
На пушистом снегу
Иероглифы следов

Весна не даёт уснуть
Холодный ожог луны

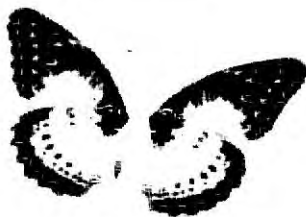
Последний день мая
Перечеркнул весну
След самолёта

Волна за волной
Всегда спешат к берегу
Белые чайки

Падают листья
На старом крыльце
Спит рыжий кот

Старушка в окне
На осенних каштанах
Молодые листья

Зима у дверей
Ожидание снега
В белых облаках

Александр Добровольский «Около взгляда»

ГЕРТЮ МАТЮКИН
ОКТОБРЬ ФОНТАНОР 2013

ЛЮБОВЬ ЛУКЬЯНЕНКО

чай на двоих
воробей на чашке —
третий

солнечный луч
скользит по водной дорожке
взгляд

замер трамвай
на рельсах
чья-то машина

тысячи солнышек
под дождём
сникли подсолнухи

шелест бурьяна
под каплями дождя
мокрый песок

таинственно
под завесой тумана
притих город

осень
в густом тумане
бабье лето

рельсы
серая лыжня
трамвая

ИРИНА СТАНКОВСКАЯ

Графу-вампиру
Спать не дают комары
Вот кровопийцы!

ОЛЕГ ИЛЬИН

В молчании сдержанном
Три сестры – молодые прелестницы –
Поднимались по лестнице.

НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВА-ХРАМОВА

Ветка сирени.
Дочь спросила, как мама
встретилась с папой.

СЕРГЕЙ УТКИН

Старик достает на цепочке часы.
Не держат старые пальцы –
Падает время.

Поздней порою
Слышать люблю от гостей:
Ну, до свидания!

Лик

Монокля блик
Сверкал с портрета
Антона.

Кладбище. Могилка
чужого ребёнка. Среди цветов –
пластиковый утёнок...

Кондуктор взимает плату –
Голос падающих монет.
Налог на разлуку.

ЗЕМЛЯ

ВАДИМ ИСАЕНКО

Игры, которые играют в игры

Так уж сложилось, что Х и О вдруг оказались рядом в одно и тоже время, в одном и том же месте. И, чтобы не зачахнуть от скуки, решили они себя немного развлечь.

Хохо-хохо-хохохо, - громогласно, задиристо и забавно гремели их возгласы во время игры в чехарду и в догонялки.

Охо-охо-охохо, - гулко, заливисто и задорно раздавались их голоса при игре в салки и в прятки.

За всеми этими незатейливыми шалостями и потехами безучастно наблюдала решетка, как вдруг не выдержала и строго пророкотала: «Эй, вы! Прекратите свое баловство! Хватит из себя тут звуки выдавливать и буквы играть! Вы же всего-навсего – крестик и нолик!»

Тик-так

– Эгегей! – задиристо кричала секундная стрелка минутной, обгоняя ее на новый круг.

– Ну, ну, ну! – досадливо и угрожающе отвечала ей минутная, при этом ехидно ухмыляясь в предвкушении грядущего опережения часовой.

– Э-э-эх! – причитала часовая стрелка, в очередной раз пропуская минутную вперед себя.

– Мдя! – восклицал стабильный неподвижный циферблат, наблюдающий в который раз одну и ту же комедию.

И только винтик важно помалкивал, определенно зная, что всем от него никуда не деться.

Сырная Луна

Давным-давно, в детстве, мне снилось, будто Луна – огромная головка сыра. Вот плывёт она в холодном ночном тумане, облитая янтарным светом, а внизу – уставшая за день Земля. Спят дома, одевшись в серое, люди вкушают сладкие сны, и лишь псы, верные псы, сторожат вселенский покой, щупая мир заунывным лаем. Ночной ветер гладит траву, в деревьях шепчет какую-то тайну. А она всё плывёт – та Луна – в тумане, пахнущем грибами, то появляясь, то исчезая. Так низко плывёт – кажется, если встать на печную трубу, можно пальцами коснуться, почувствовать на ладони горячую мякоть; коснуться дыр в сырном теле, издали так похожих на кратеры. А ветер шумит. Ветер гуляет. Колдун ночной – задумчивый ветер. Облака сдувает, как с молока парную пенку. А там – древо небес. Огромное, прозрачное, сияющее своими плодами. Миллионы их – хрустальных и маленьких. Звенят – лишь во снах слышен этот звон – далёкие колокольчики. А ветер гнёт невидимые ветви. И вот срываются, срываются яблоки звёзд – падают-слепнут в августовскую траву... Луна. Полёт её – вечность. Недосягаемая, необъятная...

Часто вспоминаю её – ту Сырную Луну – большую, безмолвную, близкую и такую далёкую – до боли далёкую. И кажется мне, мир – маленькое зёрнышко, которое только созревает в чьих-то больших тёплых руках...

Уж не черствеет ли мы, не отмирает ли наше сердце, когда перестаём мы удивляться миру вокруг себя?

Верю: она ещё есть, та Луна, в бесконечном своём полёте. Лишь надо содрать с сердца огрубевшую корку. И спать. Безмятежным сном, в котором приходит на душу радость.

Яблоки звёзд так сладки, что не у всех хватает сердца, не у всех хватает радости на душе попробовать их на вкус.

МИНИ

АЛЕКСАНДР ЛИМАРЕВ

Седой валун,
согретый солнцем,
источает аромат времени.

Сквозь пеструю ткань винограда
пристально наблюдает за скучающей женщиной
садовник.

Одинокая скиталица,
парящая в наркозе вечности
– душа.

Мои развеселые фантазии
суть отражения
самовлюбленности.

АЛЕКСАНДРА ПЕРФИЛОВА

Мы смыли смысл с мысли.

Замусоленный замысел.

Честь.
Ни слова
О крови.

От учёных
Наука
В печёнках.

МАРИАННА СОЛОМКО

Скорлупный человек,
Как холодильный снег.

Твой солнечный желток
Истёк.

На двух канатиках
Ты весь – распятые как.

А что завещано?
– Лишь трещины.

Срок вредности не ограничен.

ОЛЕГ ИЛЬИН

Персонал ел.
Персон алел

Ушатал по полю
Ушат ал. Поп Олю

Небо льна – не больна
Льда ль даль? Да!

Растение рождает по листу
В ответственности за свою листву.

Растение роняет по листу
В растерянности за свою листву.

Большой Карьерный Риф.

Волка мышка лечит,
Вол камыш калечит.

Противен... того...”
“Против ентого

НАНО

ИГОРЬ КУНЩЕНКО

Однажды на закате...

Ярославу, который запомнил

Заходящее солнце коснулось земли, и земля загорелась.

ВИТАЛИЙ СЛЮСАРЬ

Разочарование

Когда она обронила пёрышко со своего крыла, он решил, что она – ангел.

А она оказалась обыкновенной курицей.

АЛИСА ЕСИКОВА

В моем становлении бабочкой прошу никого не винить.

Гусеница

СЕРГЕЙ ГАЙДАРОВ

Душа поэта

– И ради рифмы назову тебя красивой...

Любовь, любовь...

– Любил я как-то некую...

МАРИАННА СОЛОМКО

– Что такое Мавзолей?

– Это музей одной восковой фигуры.

Безмолвие

В условиях конкурса фантастической миниатюры имени Алексея Передереева (2014) было обозначено: максимальный объем знаков – 2500. В комментариях ВКонтакте автор спросил: у меня в рассказе 2516 знаков, можно присылать? А мне подумалось, что любой рассказ можно сократить, даже состоящий из одного символа. И создал рассказ, который тоже можно сократить, ведь безмолвие можно сократить звуком, пустоту – вещами, ничто – чем-то.

ТАНКЕТКИ

ВАДИМ ИСАЕНКО

Ньютону
в яблочко

богач
прибеднялся

гвозди
свои в доску

мир тесен
без обид

редкая
частота

паводок
с поводка

развела
женился

водка
грех на двоих

сумма
с ума сошла

вход выход
побывал

все врут
ваша правда

цирроз
за милых дам

оберег
кляп во рту

ВЛИЯЛ
ВЛИВАНИЕМ

КОТ В МЕШКЕ
НА МЫЛО

фрактал
арабески

КИСТИ
ВОГНАЛ В КРАСКУ

БОЛЬШИНСТВО
БОЛЬ МЕНЬШИНСТВ

МАСШТАБ
РУКОЙ ПОДАТЬ

ПРИКАЗАЛ
ДОЛГУ ЖИТЬ

НОТЫ
ИЗДАЁМ ЗВУК

ТИПУН
ЦЕРБЕР СЛОВА

БЫЧОК
БРОСИЛ КУРИТЬ

МИНЗДРАВ
КАК НАКАРКАЛ

ХАОС
БЕС ПОРЯДКА

ЧОКНУЛСЯ
НАЧАЛ ПИТЬ

ВИРУС
ЭСТАФЕТА

ВОЗДУХЪ

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Эта бабочка раскинула крылья
как азиатский базар с коврами
и каждый зазывает покупателя
и раскатывает, хвастая
новые и новые ковры,
и улочки кривые разбегаются,
как и глаза мои...

Радуга стучит по траве

тишина стоит
как вода в прозрачном кувшине
парень в черном пальто
распечатывает пакет кефира
и жадно пьет
из формы тишины
белый цвет

Великие

думаю иногда: следует ли
доводить слова до той резкости
когда ощутимо невидимое —
когда люди не видят и очевидного?..

Тем и были велики великие
что они это делали.

закрывшись и изнутри светясь
эти маки в полоске вечера качаются
скрипя
как бумажные японские фонари
ало раздуваясь на ветру
ведь там происходит
первая брачная ночь
пестиков и тычинок!..

Сидеть самому на лавочке уже не странно, но
Так странно видеть на лавочках людей в позе себя,
как будто не всю пустоту в свое время высидел/высосал.

ИРИНА СТАНКОВСКАЯ

Нужность ненужного, или Счастье есть

– Дырку от бублика не желаете? – коза с массивным баяном через плечо подмигнула пастуху Макару янтарным глазом.

– Отстань! – Макар вяло оттолкнул назойливое парнокопытное. Он с утра выпил две кружки пива без пены у знакомого сапожника Кузьмы (тот, конечно же, был босиком) и зачем-то выменял у него почти новые брюки на соломенную шляпу с атласным кантом. Теперь, шагая по тротуару нетвердой походкой, Макар ловил на себе удивленные взгляды прохожих. Городские, где им понять!

– Ненужная ведь вещь, барахло! – подумал он с запоздалым сожалением. – Пошто я Кузьке портки отдал? В чем теперь по мураве телят гонять?

– Эх, лучше бы седло взял! – как будто прочитала его мысли тащившаяся за Макаром коза. – Кузька из кожаных обрезков мастерит! А твоя корова теперь без обновки останется!

Пастух затравленно сжался и тут его осенило.

– А ведь ты не коза! – прохрипел он. – Козы не играют на баяне!

– Белочка я, – издевательски проблеяла его спутница.

Макар ей не поверил, но на всякий случай засучил рукава жилета и погрозил негоднице кулаком.

– Ах ты, охальник, ишь, ручищами размахался! – послышался визгливый женский голос.

Макар оглянулся и похолодел. Тот, кто хоть раз в жизни видел мать сапожника, не мог ее забыть и больше никогда не радовался прошлогоднему снегу. Рыба по гороскопу, она скандалила творчески.

Роковая женщина держала в руке раскрытый иссиня-черный зонт.

– А ну, верни сапоги! Кузьме завтра в Тулу самовар везти, а ты рад подгадить! – она подскочила к Макару, ловко, как гейша, сложила зонт и замахнулась. В ее выпученных рыбьих глазах Макар прочел свой приговор.

– Он у вашего сына только шляпу взял, – заступилась коза, – и за это брюки отдал... хорошие, отечественные, фабрики «Смелый шаг».

– Может, лучше выйдешь за меня? – робко предложил Макар. – Хочется чего-то хорошего... Любви, например!

– Козлы вы все, мужики! – заорала мать сапожника. – Выйду!

– Тогда поехали ко мне в деревню!

Макар почтительно довел невесту до телеги и, крикнув, посадил. Воз со скрипом осел, сивая кобыла покосилась сердито.

Коза заиграла на баяне свадебный марш. Воз тронулся. Одной рукой Макар держал вожжи, другой – обнимал Кузькину мать. Так они и ехали.

Почти у самой деревни их заметили двое праздных наблюдателей.

– Красивая пара! – вздохнула сидящая в кустах собака-мутант, ловко утирая пятой лапой набежавшую слезу.

– Люблю счастливые концы! – поддержал ее заяц. Несмотря на то, что бедняга давно страдал дурной болезнью, он сохранил добрый нрав и способность радоваться чужому счастью.

Сказка о подслеповой фее

Фея-крёстная торопилась. Сколько добрых дел удалось совершить, сколько счастливых судеб устроить! Но только к вечеру она вспомнила о главном и теперь неслась над лесом, ускоряя и ускоряя полет резкими взмахами волшебной палочки.

Вот вдалеке замаячил королевский замок, озаряемый вспышками фейерверков. Лес расступился, и волшебница увидела дом, окруженный маленьким огородом. Фея ткнула палочкой в нужном направлении и приземлилась у входа. Проклятая близорукость! Она промахнулась и больно ударилась о кадку для сбора дождевой воды. На крик волшебницы из дома выбежала скромно одетая девушка. На милом личике застыли испуг и удивление. Она подбежала к красивой и, судя по всему, знатной даме и присела в реверансе.

– Вы не ушиблись, сударыня? Ваша карета сломалась? А слуги?

– Давай не будем терять времени на разговоры! Я и так опоздала!

Фея взмахнула волшебной палочкой, в мгновение ока преобразив девушку до неузнаваемости: искусно завитые локоны, хрустальные башмачки, пышное платье цвета чайной розы в пене белых кружев.

Девушка ахнула. От волнения она не могла говорить. Фея покровительственно улыбнулась крестнице.

– Теперь экипаж, лошади, кучер и лакей! Поедешь четвернёй, так пикарней!

Фея повернулась в сторону огорода и направила волшебное орудие на копошащихся возле какого-то корнеплода... или кабачка... или тыквы... крыс, или мышей. В сумерках и не разглядишь. Фея гордо отказывалась пользоваться волшебством для улучшения зрения. О ее ухищрениях обязательно бы стали сплетничать более молодые коллеги.

– Что вы делаете, госпожа?! – душераздирающе крикнула вдруг девушка.

– Милая крестница, теперь ты можешь ехать на бал! – гордо сказала волшебница, разглядывая роскошную золотую карету, четверку серых в яблоках коней в белых плюмажах, осанистого бородатого кучера и дородного благообразного лакея в ливрее. Кони нетерпеливо забили копытами, а кучер и лакей, остолбенело оглядев друг друга, вдруг захохотали и пустились в пляс, несолидно высоко подпрыгивая. Как же будут разочарованы все после полуночи!

– Но у меня нет крестной! – воскликнула девушка. – И я не собиралась на бал! Что вы сделали с моими маленькими друзьями?!

– Милая Золушка...

– Я не Золушка! – перебила девушка. – Я – принцесса!

– Э-э-э, – фея вытянула шею и пригляделась.

Действительно, лицо вроде незнакомое. Фее стало неловко, но она быстро взяла себя в руки. Всё еще можно поправить. Какая девушка не хочет побывать на королевском балу?!

– И как тебя зовут, моя милая? – спросила она ободряюще.

– Белоснежка! – мрачно ответила девушка.

Софья Рэм “Вселенная”

ВОЗДУХЪ

АЛЕКСЕЙ ВЕРЗУНОВ

5 танка

С кровью на лицах
Брели дети по рельсам.
Костями били
По коже барабанов -
Вели за собой войну.

С хризантемами
В зубах, дети плясали
Под залпы орудий.
Храбрость героев всегда
Удостаивается чести.

Апофеоз войны,
Идущей босиком по льду:
Тёплая водка и хлеб.
Офферторий винтовок...
Вечен только лишь пепел.

2011 г.

Под траурный марш
Теней, уходящих в туман,
Топтали цветы
Пламенные кобылицы.
Война пахнет смердящим.

Играли в кости
Боги смерти на гробах.
Много лет в войны
Женщины рожают лишь
Будущих покойников.

Софья Рэм "Гильдия бродячих собак"

ЗЕМЛЯ

АННА САМОЙЛОВА

Если бы птицы умели летать!..

Нет, они, конечно, машут крыльями, поднимаются в небо. Иногда даже парят в воздухе!

Но это совсем не то, что умеет делать мой кошк, когда он вытягивается на мне, его хвост стучит по копням, а передние лапы когтят мою грудь. Кошк тарахтит от удовольствия, глаза прищурены, а в усах прячется чеширская улыбка. Кошк величествен как вечный сфинкс.

Я смотрю на него и понимаю – летит. Я прикасаюсь к шерстке и проваливаюсь вслед за ним в другие миры, другие измерения, другие вселенные. Туда, где нас ждут звёздные облака.

Как все кошатники, я знаю это. Как и то, что птицы так летать не могут.

Софья Рэм “Бигуди”

АЛИСА ЕСИКОВА

Про шарик...

Бездельник гонял воздушный шар вокруг себя и рывками перемещался по улице. Навстречу ему плелся Шляпник, увешанный лентами, бахромой и цветами. Воздушный Шарик устал крутиться вокруг Бездельника и с радостью порхнул к Шляпнику. Зацепился ниткой за перо, крутанулся, поперхнулся и шмыг ему под ноги. Шляпник хоть и был очень мудрым и сдержанным, озорно вскочил на Воздушный Шарик. И, выпустив из рук разноцветное тряпье, весело попрыгал вниз по улице. Бездельник, не будь дураком, на то он и бездельник, подхватил ленты, бахрому и шляпы, и широко улыбаясь Удаче, направился на базар.

РЕНАТ ШАВЛО

Этюд

Играй! Не скрипка, не флейта – фортепиано. Словно замершее в углу существо, переполненное словами.

Но оно не умеет говорить – только стонать. Высоко и низко, протяжно и коротко. Играет.

Здесь все собирались зимними вечерами, садясь у камина в углу. Сдвигали кресла, ставили плетеные стулья со спинками и усаживались, протягивая ноги к огню, а духом устремляясь к чёрно-белым клавишам.

Улыбка детской настойчивости сменялась похвалой великому таланту, пока не перешла окончательно в безмолвное созерцание чуда. Её пальцы метались, исчезая в нижних октавах и через миг уже появляясь из ниоткуда в верхних. Будто не десять, а сотня их разом сминали под себя клавиши, так научив их говорить!

Играй! И за тобой, рождающей – тема жизни. Распускается, расцветает, как сад, и проливается над садом этим летний дождь. Белоснежные цветы вишен окутаны каплями воды, и на них играет солнце.

Играй же! Пока – тема жизни. Пока – сама жизнь.

И снова дождь, но из неба – светло-голубого, чистого и сказочного.

Иной раз – заходят с севера облака, превращая день в ночь, и переворачивает ветер забытую в саду книгу, глядя с тоской на мелкие буквы и роняя поверх них слёзы.

Играй же!

Тому, кто на этом диване уснёт, свернувшись и слушая песню ветра в вишнях и черешнях над головой, закрыв глаза. Кто без слов будет лежать, не ведая мира вокруг. В мягких лапах беспомощности.

Играй!

Или нет. Сейчас – молчи. Пусть спит!

Как спал я. Не под белыми цветам, но зелень шумела надо мной, медленно отправляя в сон. Говорила, шептала, – и голос её был голосом Твоим. Ещё незнакомым мне и таинственным.

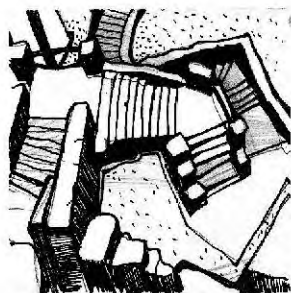
Играй же! Пока – лето!

Ты – лето!

Голые стены

Путник, зайдя в храм, долго искал икону Святого Киприана. Осмотрел центральный и боковой придел, но нигде – ни на стенах, ни на аналоях, – её не было. Расстроенный, он прислонился к колонне. Вдруг видит, на узкой стене висит маленькая икона. На ней – Святой Киприан, стоящий рядом с Иустиной. Глаза путника столкнулись с внимательным взглядом святого. Путник подошёл к стене и с благодарностью поцеловал икону. «Спасибо за то, что помог мне», – сказал он со слезами на глазах. Женщина, продававшая свечи, долго смотрела на него, недоумевая, отчего приезжий паломник целует голую стену.

Сергей Матушкин

ЕЛИЗАВЕТА ДВОЕГЛАЗОВА

Из серии миниатюр «Сон как искусство»

...Я больше не хочу видеть во сне этот бермудский треугольник улиц, который пытаюсь пересечь в одиночестве, страшась буквы, на которую забыт адрес. Время тянется; в этом сне я вспоминаю прошлый сон: конфигурации города, которого нет, по которому мы мелькали вместе, не мудрствуя и не бермудствуя; а теперь я мечусь, панически объясняя схему улиц прохожим... Я попадаю в тупик, там конопатая девица знает самое важное, знает, чьи это окна. Я спускаюсь с какой-то площадки, и мне надо совершить выбор – право или лево; я вспоминаю, куда сворачивали мы с тобой в прошлом сне, огибая площадь?.. Время уже бежит; темнеет, и толпа мужчин жалеет меня, побродяжку, забывшую главную улицу своей жизни... Их сочувствие лишь мучит, подгоняя, и все мешается в одно знакомо-незнакомое, и какого черта я не предупредила тебя, что буду здесь уже этой, сегодняшней ночью, что так быстро можно вспомнить имя этой улицы и ее номер, что так быстро можно узнать этот город, ибо он существует, что именно вправо, спускаясь - и вправо, а не влево, куда свернула я...

ПЕРСОНАЛИИ

- Амини Бахтиёр** г. Душанбе.
Верзунов Алексей г. Краснодар.
Гайдаров Сергей г. Рига.
Гранкин Николай г. Краснодар.
Даниюшин Сергей г. Санкт-Петербург.
Двоглазова Елизавета г. Краснодар.
Демьяненко Андрей г. Санкт-Петербург. Главный редактор журнала «Вокзал». Член городского Союза писателей.
Добровольский Александр г. Смоленск.
Дудун г. Москва.
Ежов Михаил г. Харьков.
Есикова Алиса г. Краснодар.
Зубарева-Храмова г. Санкт-Петербург.
Ильин Олег г. Санкт-Петербург.
Исаенко Вадим г. Донецк.
Карасёв Иван г. Краснодар. Член союза писателей России. Член союза журналистов России. Создатель полисинтетического языка арахау.
Кротов Иван г. Гулькевичи.
Куншенко Игорь г. Ростов-на-Дону.
Курбатов Сергей г. Киев.
Лимарев Александр г. Новосибирск.
Лукьянченко Любовь г. Краснодар.
Мартусенко Александр г. Краснодар.
Насонов Андрей г. Краснодар. Кандидат биологических наук.
Нил Эвелина г. Краснодар.
Пахомова Любовь г. Краснодар.
Перфилова Александра г. Львов.
Рэм Софья г. Иваново.
Самойлова Анна г. Барнаул. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Фантастическая среда».
Санрин Камелия г. Лондон.
Соломко Марианна г. Санкт-Петербург. Член Союза писателей России.
Станковская Ирина г. Москва.
Уткин Сергей г. Шарья.
Хузин Родион г. Уфа.
Чернов Сергей с. Хреновое Воронежской обл.
Шавло Ренат г. Макеевка.

2014